

«Лит. Россия» 25 фев. №9, 1977 г.

Борис ЧИРКОВ в телефильме «Грабёж».

НЕБОЛЬШАЯ новелла Н. С. Лескова «Грабёж» не столь популярна, как «Левша», «Очарованный странник», «Тупейный художник» и другие шедевры писателя, но она абсолютно лесковская, и ей тоже могли быть предпосланы строки: «Событие, рассказ о котором ниже сего предлагается вниманию читателей, трогательно и ужасно по своему значению... а развязка дела так оригинальна, что подобно ей даже едва ли возможно где-нибудь, кроме России». Сам автор назвал «Грабёж» рассказом, однако, по сути, жанр сложнее — это нравственно-сатирически-философская притча. Благовоспитанный сын орловского купца Миша на пару со своим богобоязненным дядей ночью с перепугу ограбили дякона — вот вкратце и весь сю-

жет, хоть его и не назовешь простым.

Народный артист СССР Б. П. Чирков уже много лет включает «Грабёж» в свои чтецкие программы, а недавно он поставлен на телевидении. Но назвать этот перенос телевизионной адаптацией или, предположим, телевариантом эстрадного чтения было бы, по-моему, несправедливо. Артист и ТВ (режиссер Н. Герасимов) практически создали новое произведение. И дело не в том, что появились грим, костюм, декорация, звуковое оформление, ТВ предоста-

вилейшего типажного сходства ни с кем из них. Тем сложнее и, надо полагать, интереснее была работа для актера. Ведь Чиркову пришлось детально разрабатывать все образы, подыскивать каждому неповторимые черты, манеры, жесты.

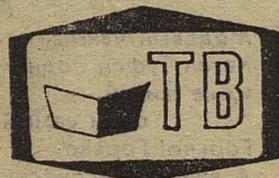
На этом хотелось бы задержаться. По-моему, в последние годы ТВ, экранизируя литературную классику, нащупало интересный прием — принципиальный отказ от типажности, нарочитое несовпадение текста с изображением. Видеоряд не пытается полностью заменить ав-

торы назвали «Грабёж» телеспектаклем, хотя, по-моему, жанр сложнее. Мне кажется, что такими произведениями ТВ создает свой собственный, оригинальный монотеатр. Впрочем, не стоит спешить со словом «оригинальный». Можно также предположить, что сегодня ТВ на новой основе воскрешает древний театральный жанр, идущий еще с греческих «мимиабов». У нас в России его ярчайшим представителем был И. Ф. Горбунов. В «Былом и думах» есть рассказ о В. А. Энгельсоне, который восхищал Герцена

ЧИТАЯ ЛЕСКОВА...

вило актеру возможность превратить эстрадное чтение в моноспектакль, и он не преминул ею воспользоваться, заново создавая мизансцены, обыгрывая все детали интерьера и костюма, все аксессуары. А главное, Чирков, используя основное достоинство телеэкрана — крупный план, — играет, именно играет, всех персонажей, а их в рассказе больше десяти. Неуловимое изменение мимики, заметная смена жеста и интонации — и вот молодой румянощекий Миша превращается то в благочинного старца — своего дядю, а затем в тетушку Катерину Леонтьевну — сварливую старую деву или в дяконов (один был «черный и мягкий, весь как на вате стеган», а второй «рыжий, сухой, что есть хреновый корень, и борода маленькая, смычком»), то в полицейстера Цыганка («приземистый — совсем как черный таракан; усы торчком, а разговор самый грубый»). Плюс к тому у Лескова в рассказе отчетливо выделены три говора: орловский, елецкий и малороссийский — и это диалектное различие актер стремится подчеркнуть. Персонажи совершенно различные и ни в малейшей степени не схожи друг с другом — это само собой, но главное, у исполнителя нет ни

торский текст, как это бывает при киноэкранизации, и не стремится вторить ему, превращаясь в подсказку, в дурную иллюстрацию. Он как бы призывает зрителя в соавторы постановок, помогая ему домыслить, дообразить. Чирков внешне не схож со своими персонажами, но постоянные перевоплощения актера помогают нам наглядно представить каждого из них. Весь спектакль идет в одних декорациях, но опять-таки при помощи актера и телевидения мы сами мысленно превращаем один и тот же интерьер то в купеческий дом, то в гостиницу, в кабинет полицейстера. Интересно, что совершенно разные мастера отдельно друг от друга приходят к такому решению. Вспомним: «Эти разные, разные, разные лица» с И. Ильинским, «Конек-Горбунок» с О. Табаковым, «Гаргантюа и Пантагрюэль» с А. Каллагиным. В каждой из этих передач, как и в «Грабёже», один актер исполняет все роли (даже женские), в каждой изображение соседствует с колоритным авторским словом, не претендуя на его замену, и в каждой из них зрителю предоставлена свобода воображения, и это при точности режиссуры и насыщенной изобразительной плотности видеоряда.

уникальным талантом изображать «все на свете — чиновников и барынь, попов и квартальных», притом «делал целые драматические представления». Но и Горбунов, и Энгельсон, и французский актер Грассо ставили свои спектакли главным образом в узком кругу, поскольку многочисленные и мгновенные перевоплощения «не читались» уже с десятого ряда партера. Увужденная «камерность» превращала этот жанр в забаву. ТВ смогло вернуть его самому широкому зрителю, заодно показав, что «горбуновский талант» не исключение.

В общем, как бы то ни было, создание ли это оригинального монотеатра или воскрешение древнего жанра — в любом случае работы, подобные «Грабёжу», достойны самого пристального внимания. И самой искренней признательности их создателям.

Евгений СЕРГЕЕВ